

«Он родился поэтом»

Для члена Союза писателей СССР Лазаря Шерешевского Богородск был городом, где живёт мама

Приютит Богородск

БОЛЬШУЮ часть жизни известный в нашей стране поэт и переводчик Лазарь Вениаминович Шерешевский прожил в больших городах. Детство провел в Киеве, где появился на свет 5 января 1926 года. Двадцать лет – с 1952 по 1972 год – прожил в Горьком. Здесь он получил диплом филолога, вступил в Союз писателей СССР, издал три стихотворных сборника: «Дороги дальние» (1958), «Доверие» (1966), «Созвездие весов» (1969). Затем был переезд в Подмоскovie.

Долгие годы, до своей кончины 15 января 2008 года, жил Л.В. Шерешевский в Москве. В столичных издательствах в период с 1986 по 2003 год вышли в свет еще семь книг его стихов. Это «Предгорья» (1986), «Преломление» (1993), «Колесо» (1994), «Да, и я прошагал войной» (1995), «Перемещенье сроков» (1996), «Неглубокий старик» (2001), «Уходить належке» (2003).

В небольшом Богородске будущий поэт прожил пару лет, а потом бывал здесь лишь наездами. Тем не менее наш город занимал в его жизни особое место. Впервые, потому, что Богородск приютил их семью в годы Великой Отечественной войны. Во-вторых, после эвакуации из Киева в наш город мама Лазаря А.Е. Шерешевская так и осела здесь до конца своих дней. В Богородске она прожила более тридцати лет – с осени 1941 до ноября 1973 года.

В нашем городе жил один из братьев мужа Анны Ефимовны, Самуил Аронович Шерешевский. К нему она и обратилась в начале войны письмом с просьбой приютить их семью. Разумеется, он ответил согласием.

Самуил был 1882 г.р., старше Вениамина, отца Лазаря, на десять лет. Родители братьев жили в Киеве, было у Ароны и Малки Шерешевских пятеро сыновей и дочек.

Самуил в начале двадцатого века уехал из Киева на заработки в город Сморгонь, что в Белоруссии. Там освоил профессию кожевника. Когда в 1914 году началась Первая мировая война, кожевенную фабрику спешно эвакуировали из Сморгони в село Богородское Нижегородской губернии. Так Самуил стал богородчанином.

При советской власти С.А. Шерешевский из рабочих-дубильщиков вырос до начальника цеха. В начале сороковых годов работал заместителем директора по кадрам кожевенного завода имени Юргенса. Старшая его дочь Ревекка Самуиловна Шерешевская 1911 г.р. окончила в тридцатых годах Горьковский медицинский институт. Ее в нашем городе помнят как основательницу неврологической службы в Богородской ЦРБ.

Жила семья Шерешевских в квартире из двух комнат в доме № 127 по ул. Ленина. Здесь разместились и их родственники, эвакуированные из Киева: Анна Ефимовна с сыном Лазарем, своей мамой (умерла в 1943 году) и сестрой.

Младший брат Ревекки Арон получил в августе 1941 года тяжелое ранение ноги, долго лежал в госпитале. Весной 1942 года был комиссован и вернулся в родной Богородск, к родителям. Подлечившись, юноша поступил в Горьковский политехнический институт и впослед-

Таким Лазарь Шерешевский прибыл в Богородск в 1941 году

ствии всю жизнь работал в так называемых «почтовых ящиках» (на секретном производстве).

Жили в двух комнатах в тесноте (Лазарю спальное место выделили на сундуке), но не в обиде. Богородские Шерешевские и до войны дружно жили с киевской родней. Как рассказывал Александр Вениаминович Шерешевский, его мама Ревекка подростком в середине двадцатых годов прошлого века жила некоторое время в Киеве, где ей было поручено нянчить маленького Лазаря.

Годы военные

ВОСПОМИНАНИЯ поэта о военных годах, проведенных в Богородске, можно найти в книге В. Гальперина и М. Ногтевой «Усмешка бытия. Лазарь Шерешевский. Жизнь и творчество». Она была издана в 2011 году в Москве за счет авторов и наследников поэта, поэтому тираж ее мизерный – всего 100 экземпляров. Один из них хранится в Нижегородской областной универсальной библиотеке имени Ленина.

Счастливая идея записывать воспоминания Лазаря Вениаминовича Шерешевского о своей жизни на магнитофонную пленку пришла его другу Владимиру Гальперину. После смерти поэта он продолжал колоссальную работу, переносил эти записи на бумагу. Вторым автором книги стала Маргарита Ногтева, поэтесса, вторая жена Лазаря.

Итак, 1941 год, Богородск. Беженцам из Киева выдали иждивенческие карточки, с минимальной нормой выдачи хлеба. Когда Анна Ефимовна устроилась на фабрику, где шли военные обмундирование, хлеба стало чуть больше: ей выдали карточку рабочую (600 г хлеба на день).

Лазарь, окончивший в Киеве 8 классов, в девятый пошел в Богородске. В школе № 1, что находилась рядом со старым парком, разместили военный госпиталь, и учеников перевели в помещение начальной школы на улице Свердлова. Оно было небольшим, поэтому занятия шли в три смены. Класс Люсюка (так Лазаря звали в семье) учился с 8 вечера. Домой с уроков он приходил к полуночи.

Чтобы помочь матери, подросток устроился на кожгалантерейную фабрику, расположенную по соседству с домом. Работал четыре часа в день – с 7 до 11

утра, в столярной мастерской. Выпиливал циркулярной пилой пластины-трапеции из фанеры, которые обшивали войлоком и обтягивали материей с ляжками: получалась опорная плита для миномета. На фабрике Лазарю положили зарплату 160 рублей (буханка хлеба на базаре стоила 200 р.), в обед кормили: тарелка пустых щей или супа, но с куском хлеба.

Летом 1942 года, после окончания девятилетки, Богородский горком комсомола направил Лазаря в деревню Кубаево заведовать избой-читальней. Молодого культурника поселили в избе у одной из старушек. Именно в Кубаево юноша, выросший в большом городе, познакомился с колхозной жизнью, заботами и нуждами крестьян.

Осенью Лазарь увидел в газете объявление, что Учительский институт в Горьком набирает студентов из числа школьников, не окончивших десятилетку. На популярном колхозном грузовике, который вез мешки с картошкой, будущий поэт добрался из Кубаева до областного центра. Отдав документы в приемную комиссию, на ночлег устроился между массивными дверями старинного здания института, ныне НГПУ имени Минина. Назавтра начиналась новая страница его жизни: он стал студентом, вначале Учительского института, затем перевелся в педагогический.

Жизнь осмысливал в стихах

В ГОРЬКОМ Л. Шерешевский опубликовал свои стихи о войне – в газете «Горьковская коммуна». Впервые он увидел свое стихотворение опубликованным в 12-летнем возрасте: в киевской газете «Юный пионер». Был всегдагдаем литературного кружка, в котором подружился со сверстником Эмкой Манделем (будущий известный поэт Наум Коржавин). Шерешевский всегда говорил, что любовь к литературе ему привил отец.

В Горьком юный поэт познакомился с известными местными писателями – Нилом Бирыковым, Николаем Кочинным. Большое влияние на него оказал поэт Николай Глазков, с которым Лазарь крепко подружился.

Но вскоре у Л. Шерешевского заболела мать, и он перевелся на заочное обучение. Ему удалось договориться с Кубаевским колхозом о возобновлении работы

Шерешевские. Слева направо: Арон Самуилович, Люсюк (Лазарь), Вениамин Аронович и его брат Тевье Аронович. 1930-е гг.

Анна Ефимовна Шерешевская (в девичестве Финкельштейн)

на прежнем месте, в избе-читальне (она же клуб). Забрал к себе, на свежий воздух, мать. В деревне с пропитанием было легче, вспоминал Лазарь Вениаминович.

Как культурник он проводил мероприятия не только в клубе, но часто был в разъездах: доводил до колхозников новости из колхозных станах, и на покосах, и на фермах. Входили тогда в колхоз, кроме Кубаева, еще три деревни, которые также были охвачены его вниманием. Студент-заочник и лошадь научился запрягать. И продолжал писать стихи. В Горьком Лазарь познакомился с девушкой Лерой из города Дзержинска, и стихи из-под его пера в ту пору выходили преимущественно лирические: любви все времена покорны, и самые суровые тоже.

«Написал я о ней и для нее много, – вспоминал поэт. – И параллельно всматривался в жизнь деревни, хлебавшей войну. Здесь остались старики, инвалиды, не годные для фронта, – кто на деревяшке, кто с изувеченной рукой, женщины и, конечно же, подростки моих лет, ожидавшие ближайшего призыва в армию».

Минометчик, гвардеец

В НОЯБРЕ 1943 года повестку на фронт получил и Л. Шерешевский. Накануне 6 ноября, пришла радостная весть: Красная Армия освободила Киев.

В тот день он написал такие строки: «Труханов остров – желтое пятно В лазоревом онепровском окруженьи... Ему, болоту пляже, суждено Стать полем небывалого сраженья. Фашисты там, на взрыхленном песке, Как будто недодавленные черви. И вот уже совсем недалеко Подоба пристаням и вышки верфи...» Новобранца Шерешевского направили

Вениамин Аронович Шерешевский, отец поэта, был репрессирован в 1938 году. Больше сын его не видел...

в учебную часть гвардейской минометной бригады, располагавшуюся недалеко от Горького, у деревни Большая Ельня. В подразделение, обслуживающие «катюши», набирали парней грамотных, с образованием не ниже 7 классов. А у Лазаря уже был за плечами курс института. Вместе с тем и внимание к новичкам в сверхсекретной части было повышенное. Заполняя анкету, Лазарь не стал угаивать, что его отец Вениамин Шерешевский, работавший в Киеве бухгалтером, был в 1938 году репрессирован.

Особисты взяли Лазаря под особый контроль. Впоследствии это и привело к роковому повороту в его судьбе. Парня определили во взвод разведки и управления, назначили ротным завхозом («у тебя собачья память – ты четко помнишь слова песни»). Его основным боевым оружием стала стереотруба для наблюдения за стрельбой и ее корректировки.

По окончании «учебки» подразделение перебросили под город Невель, где и начались фронтные будни Шерешевского в «летучей» минометной части. Передвигаясь вдоль линии фронта, «катюши» давали жару фашистам. «Быстренько занимали позицию и давали один или несколько залпов по противнику. Что творилось в этот момент на немецкой территории, передать трудно. Триста восемьдесят четыре ракеты покрывали площадь сразу в четыре гектара. Снега – как не бывало. Вот от летящих ракет рвал перепонки. Отстреливаясь от души, «катюши» уходили на новый объект», – вспоминал Шерешевский. «Вверху ракеты, а внизу – Дыханье крепнущего боя. Я по снегу ползу, ползу С тяжелой стереотрубой».

Ревекка Самуиловна Шерешевская, врач, двоюродная сестра поэта

Вода в обмотки натекла, Ботинки одеревенели. И ни защиты, ни тепла В моей потрепанной шинели», – писал поэт в стихотворении «Воспоминание», написанном в 1970-е годы.

Осудили по 58-й статье

В СПЕЦПОДДЕЛЕ части знали, что Шерешевский пишет стихи. На этом и сыграли, желая, видимо, «очистить» секретную часть от сына «врага народа». Однажды потерпел, куда Лазарь записывал стихи, потерялся. Видно, кто-то передал ее «куда надо». Когда 19-летнего солдата однажды внезапно вызвали в штаб, ту тетрадь он увидел на столе у офицера СМЕРША.

Лазаря обвинили в «упаднических настроениях»: стихи в тетрадке были в том числе о трудностях войны и службы. А еще приписали авторство стиха про Сталина, ругавшего великого вождя. Под псевдонимом, написанном на отдельном листке и подброшенном в тетрадь, стояла подпись, сделанная чьей-то рукой: «Шерешевский». Эти строки Лазарь якобы не только написал, но и зашифровал: прочесть их можно было только с помощью зеркала. Когда корявый стишок с обилием грамматических и пунктуационных ошибок показали «автору», тот даже крикнул: «Я этого не писал! Никогда! Да и не умею вырисовывать буквы, чтобы читать их в зеркальном отражении».

Приписать Шерешевскому грубо сработанную поделку в итоге не получилось. Но дат ход делу назад было уже нельзя. Лазаря все равно осудили – за «сочинение вредных упаднических стихов», добавив для верности «ведение антисоветских разговоров». Военный трибунал

приговорил рядового Шерешевского по печально знаменитой 58-й статье «к 5 годам лишения свободы и 3 годам лишения избирательных прав без конфискации имущества за отсутствием такового у осужденного».

Не оставил сочинительства

... ДАЛЕЕ были тюрьма в Бутырках, лагерь в Подмоскovie, где Лазаря определили на тяжелые работы в бригаду к уголовникам: на разгрузку вагонов со строительными материалами. Мол, молодой, выдюжит. Шерешевский признавался: «Уставал смертельно за 11 часов смены. Почувствовал, что долго не протяну, загнусь».

Помогли политические заключенные, которые благодаря своему образованию и опыту работали в лагере (он же «шарашка», засекреченные конструкторское бюро и завод) по специальности – инженерами, конструкторами. По их настоянию Шерешевского, имевшего за плечами незаконченное высшее образование, перевели в техотдел на должность чертежника-копировальщика.

Получивший срок за стихи, Лазарь тем не менее и на зоне не оставил сочинительства: активно участвовал в художественной самодеятельности, писал сценарии спектаклей, песенки и куплеты на лагерные темы. Впоследствии он напишет: «Моя жизнь была богата крутыми поворотами, горькими минутами, большими событиями, – но я уже упорно вбил себе в голову, что мое призвание литература, и не терял этой уверенности в самых разных обстоятельствах».

«Мои литинституты»

ТВОРЧЕСКАЯ жилка помогла ему выжить и после отправки по этапу на Север. Приказ о перемещении заключенных вышел в 1948 году. Шерешевскому выпало отправиться на строительство железной дороги, так называемой стройки № 501 – сухопутного дублера северного морского пути.

В заполярном лагере Лазарь попал в труппу театра, в который набирали артистов, музыкантов, художников, певцов, балерин, литераторов из числа заключенных. Коллектив создавался Северным управлением железнодорожного строительства МВД. Лагерный театр ставил спектакли как для «сидельцев», так и для местных жителей.

Коллегами по театру (товарищами по несчастью) Шерешевского были, к примеру, известный театровед и журналист Алексей Морков, работавший в «Правде» и «Комсомолке», композитор и дирижер Зиновий Бинкин, скрипач Борис Симерницкий, художник Дмитрий Зеленков, племянник известной художницы Зинаиды Серебряковой, писатель Роберт Штильмарк... Главным режиссером был назначен Леонид Оболенский (потомок княжеского рода), близко знавший Маяковского, Осипа Брика, Луначарского...

Ранее, в подмосковном лагере, Лазарь познакомился и подружился с писателем С.Г. Гехтом. О значении последнего для русской литературы Константин Паустовский сказал: «Не могу себе представить Бабеля без Гехта». Семен Григорьевич для юного Лазаря стал образцом мужества и стойкости. Они много говорили о литературе...

Высокообразованным интеллектуалом, отбывавшим срок по 58-й статье, Шерешевский встретил и в лагерном театре: «Мои литинституты продолжались». Театральный коллектив постоянно давал концерты, ставил спектакли для заключенных, колеса по лагерным пунктам, разбросанным вдоль строящейся железной дороги.

Светлана КУЗЬМИЧЕВА (Окончание следует.)

Лазарь Шерешевский. Стихи разных лет

Это стихотворение Лазарь Шерешевский написал о своём имени:

*Лучу подобно имя и ношу,
Звенит струной,
а не басов раскатом.
Я в гноище и рубище лежу
И предстаю то бедным,
то богатым.*

*И в этот век, что так учён и дик,
Оно пришло, опасно и ненастно,
И с лазером рифмуюсь я впритык,
И с лагерем рифмуюсь ассонансно.*

*Солнце, словно бросив ключ:
«Иду на вы!»,
Ломится сквозь чашу бурмы,
косопалым...*

*Осень – это осыпь яблук и листвы,
Осень, точно оспа, травы кроет
крапом.
Осень – это остов голого ствола,
Осень – это оземь капля бьются дробно,
Осень – это озимь, что едва взошла,
Чтоб укрыться плотной насыпью
суровой.*

*Осень – Север стужам,
югу – вешний цвет,
И Земля покорно подставляет ось им.
Птицы эти знают, люди – как бы нет,
Всем земным широтам объявляя
осень.
(Из книги «Неглубокий старик». М., 2000 г.)*

*Меня печатают повсюду,
во всех периодических изданиях:
В ежемесечниках –
в каждом тринадцатом номере.
В еженедельниках –
в каждом пятьдесят третьем.
В ежедневных газетах –
в каждом триста шестьдесят
седьмом.*

*Меня печатают повсюду,
во всех периодических изданиях...
1971 г.*

Посторонний

*Жизнь свою я не проворонил,
Хоть и числился ни при чём.
Был тем самым я посторонним,
Вход которому воспрещён.
Но не стоить тостов застольных,
Важно тайны свои храни,
Круг допущенных и достойных,
Ограждаемый от меня.
Не желаю уподобить вере
Самочинных пророков бред,
Но желаю стучаться в двери,
Где лампочкой висит запрет,
Где ленивыми языками
Суесловный смакуют жмых
За своими семью замками,
На своих небесах земных.
Не хочу никаких вярзгов
Моим пустошам и пескам,
Ни особых универмагов,
Ни буфетов по пропускам.
Лучше жить, сомневаясь, мучась,
И не жаждать ни лент, ни блях,
Ни копеечных преимушеств
И отпущенных свьих благ.
Лучше тягостно и бессонно
Мыкать горе своё, пока
Не назвали запретной зоной
Реки, горы и облака.*

1976 г.